

Тарас Шевченко

(К 85-летию со дня смерти)

74
10/III 96

А. М. Горький однажды написал: «Важный духовно здоровый человек являет собою как бы туго свернутую хартю, написанную историческими впечатлениями бытия его племени, его предков. В счастливых условиях эта хартя, развертываясь, обогащает нас такими радостными явлениями, как Шевченко, Пушкин, Микшевич,—люди, воплощающие дух народа с наибольшей красотой, силой и полнотой». «Счастливые условия», в которых протекало развертывание человеческой «хартни» Шевченко, такую понимать, конечно, не в смысле внешне-биографических условий. Как известно, они были очень тяжелы, и нужна была вся огромная внутренняя сила этого человека, чтобы преодолеть их и из горемычного сироты-подпаска, а затем комнатного казачка в доме свирепого помещика-немца стать замечательным художником и великим поэтом. Решающим «счастливым условием», благодаря которому Шевченко осуществил свое высшее призвание, была его глубочайшая народность, слиянность его личной судьбы с жизнью его народа. «История моей жизни, — писал Шевченко о себе, — составляет часть истории моей родины».

Дед поэта участвовал в могучем народном восстании (так называемая колышница, 1768 г.) и рассказывал о нем внуку. С волнением слушал маленький Шевченко также слепцов-кобзарей. Их песни

и музыка не раз вызвали у него слезы, и он не раз ходил вслед за слепцами из деревни в деревню. Таковы были первые «впечатления исторического бытия» украинского народа, жадно восприимчивые чуткой душой одаренного мальчика.

Одаренность его была многогранна. Еще в раннем детстве у Шевченко проявилась страсть к рисованию, которая впоследствии, после многолетних мытарств и злоключений, привела его в стены императорской академии художеств. Двери академии были закрыты для крепостных, но талантливому юноше помогли выкупиться на волю Брюлов и Жуковский, и бывший крепостной помещика Энгельгардта вошел полноправным членом в семью русских художников. Но в это время в нем пробуждается поэт. В 1840 году вышло в свет первое издание «Кобзаря». Через год были опубликованы «Гайдамаки». Появился великий поэт, слава которого быстро опережает скромную известность художника. Когда в 1843 году Шевченко вернулся из Петербурга на родину (после 12-летней разлуки с нею), он сам слышал, как его песни распевались кобзарями на ярмарках.

В дворянских кругах его назы-

вали презрительно «мужицким поэтом». Шевченко с гордостью принял это название. В одном письме он писал: «Пусть я буду и мужицкий поэт, лишь бы только поэт, мне больше ничего и не нужно».

Но этот «мужицкий поэт» был образованнейшим человеком своего времени. Еще будучи студентом академии художеств, Шевченко энергично приобщался к сокровищам русской и мировой культуры. Особенно сильно тяготел он к литературе братского русского народа.

В 1847 году Шевченко постигла жестокая расправа. Арестованный в Киеве, поэт под строгим караулом был отправлен в Петербург и заключен в крепость. При обыске у него были обнаружены «стихи на малороссийском языке самого воз-

мутительного содержания», как доносили царю жандармы. По приговору сената Шевченко был определен рядовым в оренбургский отдельный корпус. К этому приговору Николай I собственноручно добавил: «Под строжайшим надзором с запрещением писать и рисовать».

В июле 1847 года Шевченко «под присмотром» фельдгегера был доставлен в далекий и захолустный тогда Оренбург.

Генерал Обручев, военный губернатор Оренбурга, (он же командир отдельного Оренбургского корпуса) назначил Шевченко в 5-й линейный батальон, расположенный в Орской крепости, куда поэт и был направлен этапным порядком.

По прибытии в Орскую крепость Шевченко был зачислен в «писочное состояние» батальона и определен в роту. Началась «мрачная монотонная десятилетняя драма» николаевской солдатчины, бессмысленной муштры, жестокого казарменного режима и бесконечных издевательств. С наступлением зимы Шевченко стал страдать ревматизмом и цингой. Но гораздо мучительнее были нравственные страдания от запрещения писать и рисовать.

Впрочем, внутренне Шевченко и не думал подчиняться «высочайшему» приговору. Если нельзя было рисовать и писать явно, он готов был делать это и другое тайно. Правда, что касается живописи, то заниматься ею секретно от начальства было довольно трудно. Гораздо легче было писать стихи. И вот по воскресным дням поэт крадучись, «иначе злодей», уходил из «смердячей казармы» в степь, «по-под Уралом» и там писал стихи, пряча

их за голенище сапога. За год пребывания в Орской крепости Шевченко написал свыше двадцати поэтических произведений.

В мае 1848 года Шевченко был зачислен в состав команды, отправленной в укрепление Раим, в устье Сыр-Дарьи. Пешком, по знойной и пустынной степи, ему пришлось пройти огромное расстояние в 700 верст. Как раз в это время на Аральское море прибыла научно-исследовательская экспедиция во главе с лейтенантом флота (впоследствии контр-адмиралом) Бутаковым, который, будучи в Оренбурге, исключил у генерала Обручева разрешение на включение Шевченко в состав экспедиции для зарисовки берегов Аральского моря. 25 июля экспедиция отправилась на лхуне в плавание по морю, а в конце сентября вернулась в устье Сыр-Дарьи, зазимовав на острове Кос-Арал. Зима, проведенная на этом острове, оказалась очень продуктивной в творческой жизни поэта: он создал здесь около 70 произведений.

В следующее лето плавание экспедиции повторилось, а в ноябре 1849 года, по дополнительному ходатайству Бутакова, поэту разрешено было прибыть в Оренбург «для окончательной отделки живописных видов». В Оренбурге Шевченко жил сначала у Бутакова, а по отъезде последнего в Петербург—у дружески расположенного к нему офицера генерального штаба Б. Герна (в несуществующем ныне доме на б. Косушечной улице, в Старой Слободке). Таким образом он жил вне казармы, располагая своим временем, посещал друзей и знакомых.

Неизвестно, как долго длился бы этот льготный период в жизни поэта-изгнанника, но над ним стряслась вдруг новая беда. Некий прапорщик Исаев подал ген. Обручеву официальный доклад о том, что рядовой Шевченко, вопреки монаршему запрещению, ходит в партикулярном платье, пишет стихи и рисует. Шевченко снова перевели в Орск и заключили там в тюрьму, а отобранную при обыске переписку направили в Петербург, в 3-е отделение. Там обратило на себя особое внимание одно письмо, автор которого писал поэту из Петербурга: «Много здесь есть таких, которые вспоминают вас... хотя вас не стало, но на ваше место есть до тысячи человек, готовых стоять за все то, что вы говорили и что говорят люди, для которых правда так важна»...

В результате из Петербурга пришло распоряжение перевести Шевченко в отдаленнейший батальон оренбургского корпуса, а осенью 1850 года поэт был отправлен под козлом в Новопетровское укрепление на пустынном берегу Каспийского моря (ныне форт Шевченко, Казахской ССР). Там поэт протомился еще 7 лет, причем надзор за ним был, видимо, так строг, что мы не знаем стихов Шевченко, помеченных этими годами. В Новопетровском укреплении поэт написал лишь несколько повестей на русском языке, представляющих особый интерес для читателя, поскольку в них есть страницы об Оренбурге и Оренбургском крае.

В 1855 году не стало, наконец, гонителя Шевченко—Николая I. Но освобождение пришло к поэту

далеко не сразу. Лишь в июне 1857 года он получил долгожданную весть о прекращении ссылки и вскоре выехал на рыбацкой лодке из своей «незамкнутой тюрьмы». Через несколько месяцев он был уже в Петербурге.

Много перемен произошло на Руси за 10 лет, проведенных Шевченко в изгнании. Если до ссылки он общался с петрашевцами, то теперь он сблизился с Чернышевским, Добролюбовым. Побывав на Украине и снова приехав в Петербург, Шевченко с неутоленной страстью поэта-борца весь уходил в творческую работу и в бурно кипевшую тогда общественную жизнь. Он снова был на своем посту. Тургенев, встречавший Шевченко в те годы, свидетельствует: «Убеждения, валившие ему в душу с ранних лет, были непоколебимо крепки... Это была натура страстная, необузданная, сдавленная, но не сломанная судьбой, простолудии, поэт и патриот...»

Но недолго пришлось прожить Шевченко по возвращении. Ссылка не сломила его мощного духа, но она расшатала его здоровье. 10 марта 1861 года он умер.

Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила благородные мечты и чаяния Тараса Шевченко. И теперь его имя дорого всем народам Советского Союза, спаянным ленинско-сталинской дружбой в единую семью,—«великую, вольную, новую семью», напоминающую великого поэта «добрым, тихим словом».

Н. ПРЯНИШНИКОВ.